

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ

Часть первая

Глава 1

Лора ненавидела групповые сеансы психотерапии. Но вынуждена была их посещать. Как и все остальные женщины, находящиеся под опекой центра поддержки жертв домашнего насилия «Сила духа». На данный момент группа состояла из двенадцати женщин. Лора не сблизилась ни с одной. Она держалась особняком всю неделю своего пребывания в центре. Тогда как остальные много общались друг с другом. И на сеансы ходили с удовольствием. Сейчас, в ожидании доктора Назарова, который проводил эти сеансы, женщины смеялись, обсуждая сюжет какого-то комедийного сериала. Лора же сидела с каменным лицом. Но сегодня не только она. Еще одна пациентка не принимала участия в общем разговоре и не улыбалась. Смотрела перед собой и иногда нервно облизывала губы. Лет ей было совсем немного, двадцать три, максимум двадцать пять, но выглядела она изможденной и неухоженной. Лицо с правильными чертами бледное, почти серое, длинные смоляные волосы собраны в неопрятную косу, ногти обкусаны до крови.

— Томочка, что с тобой? — обратилась к ней одна из женщин, та, что сидела рядом, заметив, что ее товарка сама не своя.

Томочка то ли не услышала вопроса, то ли сделала вид, что не слышит. Но от соседки, которую, как помнила Лора, звали Зоей, было не так просто отделаться. Она схватила Тому за плечо и встряхнула со словами:

— Эй, ты в порядке?

Тамара не просто вздрогнула, она подскочила на стуле. И едва с него не свалилась. Большинство обитательниц центра пугались резких движений, звуков, а тем более грубых прикосновений. Зое следовало бы вспомнить об этом, перед тем как хватать Тому за плечо.

— Прости, прости, — зашептала она и принялась поглаживать Тамару по руке, но та вскочила со стула и убежала. Судя по ходящим ходуном плечам, она рыдала.

Теперь уже все обратили на нее внимание и прекратили свой веселый гомон. Когда Тома скрылась за дверью, одна из женщин проговорила:

— Психанула-таки. А я все ждала, когда сорвется.

— Она же на поправку пошла, — заметила Зоя. Со-рокапятiletняя боевая и говорливая продавщица на первый взгляд никак не походила на жертву домашней тирании. Лоре казалось, что как раз такие, как она, всегда дадут отпор. Но сама видела шрамы на теле Зои (душевая была общей). И давно побелевшие от времени, и поджившие, розовые, и свежие, едва зарубцевавшиеся.

— Муженек ее объявился вчера. В ноги упал. Просил простить. Она прогнала, впервые сказала «нет», да твердо, как нас учили, но было видно, что жалеет об этом.

Женщина хотела добавить еще что-то, но тут в дверях, которые еще пару минут назад захлопнулись за Томой, появился доктор Сергей Игоревич Назаров.

В этого мужчину были немного влюблены все обитательницы «Силы духа». Даже Лора. Хотя первое вре-

мя она мысленно фыркала, слыша охи-ахи своих сестер по несчастью, но вскоре сама попала под обаяние доктора.

Сергею Игоревичу было хорошо за сорок. А возможно, и полных пятьдесят. Среднего роста и комплекции, Назаров умудрялся казаться внушительным. Возможно, дело было в крупной голове, покрытой густой седой шевелюрой, и руках, которые, сожми он в кулаки, будут похожи на два средних капустных кочана.

Лицом Сергей Игоревич явно не вышел. Черты были негармоничны: нос слишком большой, а глаза, напротив, маленькие, к тому же близко посаженные. Только рот хорош: губы красивой формы, белоснежные зубы, а улыбка такая ласковая, что нельзя на нее не ответить. Зоя уверяла, что Назаров похож на Ричарда Гира. И многие с ней соглашались, потому что он был так же обаятелен, пусть и не настолько красив.

— Здравствуйте, мои дорогие, — поприветствовал доктор своих подопечных, одарив каждую медовой улыбкой. — Как ваше сегодняшнее настроение?

И женщины защебетали. Все, кроме Лоры, разумеется. Она продолжала сидеть молча, закинув ногу на ногу и скрестив руки. Полностью закрылась. Но Назарову коротко улыбнулась. Ответила на его приветствие.

Лора попала в центр неделю назад. Случайно. Бежала ночью по улице в одной рваной пижаме и домашних тапках, размазывая по лицу кровь, сочащуюся из носа и разбитой губы. За ней давно никто не гнался, но Лора не могла остановиться. Ей хотелось убраться как можно дальше от дома. Когда сил совсем не осталось, Лора плюхнулась на лавку возле какого-то неприметного здания. Температура стояла нулевая, но разгоряченное после бега тело не чувствовало холода. Или всему причи-

на шок? Потому что и нос не болел, хотя муж саданул по нему с такой силой, что раздался хруст.

Мужа звали Мансур. Что в переводе с арабского «Победитель».

И выглядел он соответственно. Статный, красивый, породистый, не просто ходил — носил себя. Мансур родился и вырос в Сирии. В СССР, когда Союз уже трещал по швам, но еще держался, приехал учиться. Окончив институт, поступил в аспирантуру, но вскоре плюнул на кандидатскую степень, занялся бизнесом, в котором очень преуспел. На момент знакомства с Лорой Мансур считался богатым человеком. Она же...

Она считалась красивой!

При том что в принципе красавицей не была. Идеальная фигура с умопомрачительно длинными при невысоком росте ногами и грудью четвертого размера при талии шестьдесят два сантиметра, да губы зовущие — вот и все, чем Лора располагала. Лицо посредственное, с невнятными чертами. На таком, как говорят гримеры, рисуй, что хочешь. Что девушка и делала. Она умела наносить макияж так, что ее скулы становились ацтекскими, нос греческим, а глаза и вовсе марсианскими. Мансур, увидев Лору в ночном клубе, куда она с подружками гоняла каждую субботу, чтобы подцепить кого-то стоящего, так и сказал ей:

— Вы будто с другой планеты сюда попали. Неужто с Марса?

Лора скупо улыбнулась ему. Широко не могла, у нее тогда пломба на переднем зубе выпала. А поскольку она на тот момент нестерпимо хотела в туалет, то тут же ретировалась. Мансур, привыкший к тому, что если не его красота, то дорогой костюм и часы производят на барышень сногшибательное впечатление, заинтересовался «марсианкой» еще больше. И когда она вернулась в зал,

бросился к ней с просьбой выпить с ним самого дорогого из имеющегося в баре заведения шампанского.

Лора не отказала. Мансур ей понравился. Тогда только лишь понравился, полюбила она его позже. А в их первую встречу Лора думала только о том, как завидуют ей сейчас подружки. Дело в том, что в тот день она явилась в клуб в обществе моделей, пусть и начинающих, а ей путь на подиум был заказан из-за роста. Если Лора надевала высоченные каблуки, то догоняла подруг. Но ведь и они носили не кеды. Поэтому, когда подружки появлялись где-то вместе, Лора терялась на фоне высоченных, донельзя в себе уверенных моделей и считала себя гадким утенком. Впрочем, как и они ее. Смотрели свысока, иногда отпускали шуточки. И вот пришел час расплаты. Лора всем им утерла нос!

Из клуба она поехала к Мансуру. Он пытался ласкать девушку уже в машине, но Лора убирала руки ухажера, едва они опускались ниже груди. А все потому, что ее мочевого пузырь вновь стал настойчиво напоминать о себе. Лора грешила на цистит, стояла зима, а она отправилась в клуб в ультрамини и, пока на фейсконтроле стояла, изрядно продрогла. Но позывы эти оказались предвестниками внеплановых месячных, которые начались во время полового акта. Мансур был поражен! Он решил, что ему досталась девственница, и едва ли не плакал, прося у Лоры прощения за то, что сорвал цветок ее невинности.

— Ты не виноват, — успокоила его Лора. — Я решила, что ты станешь первым моим мужчиной, едва увидела...

— За что мне такая честь?

— Я полюбила тебя.

И Мансур ей поверил!

А вслед за ним и Лора поверила самой себе...

Потому что нельзя было не полюбить этого необыкновенного мужчину.

Казалось, он соткан из одних достоинств: красив, умен, богат. А еще ласков, сентиментален, заботлив. И любовник хороший, хоть и не выдающийся. Бывали у Лоры и получше, но у тех ни гроша за душой, ни перспектив, ни серьезных намерений. А Мансур уже через месяц перевез ее к себе.

Жизнь под крылом богатого мужчины первое время казалась Лоре райской. Она могла наконец позволить себе то, о чем всегда мечтала: брендовые шмотки, украшения, дорогие салоны красоты с их волшебными процедурами, типа «ванны Клеопатры» или «маски Афродиты». У Лоры появились личные фитнес-тренер и шофер. Бардак за ней убирала горничная, она же готовила завтрак. От Лоры требовалось совсем немного: быть красивой, верной и благодарной. Причем последнее так же важно, как первое и второе. Мансур не любил людей, которые воспринимали как должное то, что он им давал. Поэтому, когда Лора обнаглела, это рано или поздно случается со всеми юными красотками, дорвавшимися до денег своих покровителей, ее едва не выставили за порог. К счастью, обошлось. Лора смогла подлизаться к Мансуру, а впредь стала вести себя умнее. Уж чем-чем, а мозгами ее бог не обидел.

Их отношениям исполнилось два года, когда Лора заговорила о свадьбе. Жизнь, которая на начальном этапе казалась фантастически интересной, теперь стала обыденной. Да, шмотки, да, украшения, да, салоны... Но «ванна Клеопатры» — это всего лишь бадья с дешевым молоком, а «маска Афродиты» — паста из алоэ и каланхоэ. Что же касается личного тренера, то его, чемпиона России по бодибилдингу, Мансур быстро

заменял на толстую преподавательницу танца живота, а шофера науськал следить за каждым шагом своей возлюбленной. Только горничная продолжала радовать Лору, она не только изумительно справлялась со своими обязанностями, но была еще очень милой и веселой, и женщины подружились. Однако и с ней пришлось расстаться. Мансур застукал горничную за мелкой кражей и уволил.

— Тебе жаль бутылки жидкого стирального порошка? — недоумевала Лора, пытаясь заступиться за приятельницу. — Если да, вычти у нее из зарплаты...

— Я платил этой женщине хорошие деньги, и она вполне могла себе купить средство для стирки. Но она предпочла кражу. Значит, нечиста на руку. Мне такие люди в доме не нужны.

Вместо молодой, милой и веселой Мансур взял старую, угрюмую таджичку. Единоверку. Ей он доверял.

Лора захандрила. Что это за жизнь? Да, благополучная, но... Скучная — ладно. Лучше скучать, лежа в ванне с теплым молоком и с кашей из алоэ на физиономии, чем стоя в поту за плитой — Лора отучилась на повара в техникуме. Хуже то, что будущее не определено. Ближайшее, возможно, но надо и о далеком думать. Лора не молодеет, ей УЖЕ двадцать четыре, и через пару-тройку лет Мансур, которому сейчас ВСЕГО тридцать пять, найдет себе овечку посвежее. Но это так... Трезвые расчеты. Объективная реальность. А если субъективно и эмоционально... Лора хотела замуж за Мансура, потому что любила и хотела от него детей.

Сначала она намекала ему на это. Потом начала говорить открытым текстом. Мансур качал головой и неизменно отвечал, что его все устраивает, и удивлялся, почему не устраивает ее.

— Нам так хорошо вместе, хабибти¹, зачем портить все этим дурацким штампом в паспорте? — слышала Лора в ответ на свои просьбы отвести ее в загс.

— Почему он все испортит? — недоумевала она.

— Так всегда бывает. Женщина начинает считать мужчину своей законной добычей, иначе говоря, собственностью, и либо расслабляется, превращаясь в клушу, либо шалает от власти над благоверным и становится акулой.

— Какие глупости!

— Я дольше живу на этом свете и видел побольше твоего. Поэтому не хочу официального брака.

— Но я мечтаю о детях. Я созрела морально. А физически скоро перезрею. У нас в России двадцатипятилетние уже старородящими считаются.

— Так давай заведем беби. Я не против. Даже за. Надеюсь, он будет, как и мама, марсианином.

— Родить ребенка вне брака? Ну уж нет, мне не позволяет воспитание! — решительно возражала Лора. Нашел дурочку! Она родит, теряет форму (потом восстановит, конечно, но не сразу же), а он найдет себе новую хабибти, и Лора останется одна с ребенком на руках. И будет потом клянчить денежку на содержание сына или дочки, и не факт, что получит.

В двадцать пять Лора поставила вопрос ребром. Или женимся, или расстанемся. Мансур закатил истерику похлеще бабской. Он то кричал, то плакал, то заламывал руки, то яростно колотил кулаком в стену, разбивая костяшки в кровь. В итоге рубанул: «Я не позволю собою манипулировать!» — и указал Лоре на дверь. И она ушла. Со всеми вещами. Их, как ни странно, оказалось

---

¹ Хабибти (хабиби) — арабское слово, обозначающее «моя любимая».

немного. Всего два чемодана шмоток (вещи из прошлогодних коллекций она раздавала менее удачливым подругам, среди которых были и модели) и сумочка с украшениями. Вот и все. Не нажила за три года ни квартиры, ни машины. Даже счета не открыла. Поэтому со всем своим скарбом вернулась к родителям.

Лора, конечно, ждала, что Мансур за ней примчится в тот же день. Максимум на следующий. Допускала, что случится это и через неделю. Но то крайний срок. Однако любимый не давал о себе знать месяц. Лора уже смирилась с тем, что потеряла его навсегда, как Мансур объявился...

Сказал, был на родине все это время. Он и раньше ездил в Сирию, причем всегда без Лоры. Но обычно не задерживался там дольше чем на неделю.

— Пришло время сказать тебе правду, — вздохнул Мансур. — Я давно женат. Невесту мне нашли родители, когда я еще в аспирантуре учился. У меня есть сын, а теперь и дочь. Супруга родила ее две недели назад.

Почему-то Лора не удивилась. У нее были такие мысли, но она гнала их прочь.

— Правильно мне бабушка говорила, с нами вы только гуляете, а женитесь на своих, — произнесла она бесцветным голосом.

— Нет, это не так. Если б я встретил тебя раньше, до того как женился, ты стала бы моей избранницей. Я сделал бы тебя своей супругой даже против воли родителей, но... — Он развел своими красивыми руками в дорогих перстнях — с годами Мансур стал питать слабость к золоту и камням. Впрочем, как большинство его собратьев. — У меня уже был сын, когда начались наши с тобой отношения. Я не мог бросить его. У нас так не принято.

— А врать той, что подарила тебе свою невинность? Что любила тебя? И ждала несколько лет... — Голос сорвался. Лора не играла. Она искренне убивалась. А в то, что досталась Мансору девственницей, поверила и сама.

— Ради тебя я остался в России. И из-за тебя не привез семью сюда. Ты моя русская жена. Я предложил бы тебе стать второй, нам, как ты понимаешь, можно, но знаю, ты не согласишься.

Дальше последовали признания в любви, страстные поцелуи, скупые слезы...

Мансур уговорил Лору вернуться. Но она поставила условие:

— Ты покупаешь мне квартиру. Жить я в ней не буду, сдам, а деньги, полученные от аренды, стану переводить в валюту и перечислять на банковский счет. Так у меня хотя бы какая-то финансовая гарантия будущего появится. Согласен?

Он не стал спорить или торговаться. Согласился сразу.

И они зажили как прежде... Почти как прежде.

Лора не успела оглянуться, как ей исполнилось тридцать. Она по-прежнему любила Мансура и все еще хотела от него ребенка. У них получился бы невероятно красивый мальш, она была в этом уверена. Пусть вне брака, Лора уже и на это была согласна. У нее есть квартира и счет в банке. Проживут, если что. И она перестала предохраняться. Через три месяца забеременела. О чем сообщила любимому. И тот был искренне рад новости. Подарил Лоре кольцо. Она, пару раз надев его, отнесла в банк и положила в ячейку вместе с остальными драгоценностями. Лора называла это «материнским капиталом».

Увы, выносить ребенка не удалось. У Лоры случился выкидыш на третьем месяце. Спустя два года еще

один. А супруга Мансура тем временем родила очередного сына, а когда в Сирии стало беспокойно, приехала со всем семейством в Россию.

Лору отселили. Но не оставили.

Мансур заезжал к ней чуть ли не каждый день. Говорил, что не может без нее. На самом же деле проверял, одна ли она. То есть приезжал без предупреждения. И если не заставал дома, устраивал скандал. Считал, что Лора должна сидеть и ждать своего господина. По мнению Мансура, женщина, разменявшая четвертый десяток, не должна ходить вечерами по ресторанам, а уж тем более ночами по клубам. Вязать, сидя у телевизора, и смотреть мелодрамы, да. А если и выходить в свет, то днем и в компании своего хабиби.

Устав от упреков и от самого Мансура, Лора уехала на все лето на Кипр. Думала дней десять отдохнуть на море, позагорать, покупаться, но познакомилась там с русской парой, державшей ресторан на берегу, устроилась к ним поваром. Так, возможно, и осела бы в этой солнечной республике, если б не Мансур. Нашел он свою хабибти. Прилетел на Кипр, упал в ноги и сказал то, что Лора десять лет мечтала услышать:

— Выходи за меня!

— Но ты же женат.

— Разведусь. Я не могу без тебя.

И она ему верила. За те три месяца, что не виделись, Мансур похудел, осунулся. Лора тоже страдала без него. Она любила своего «Победителя».

Они вернулись в Россию вместе. Но поженились только через полгода. Чего Мансуру стоил развод, Лора могла только догадываться. Он не посвящал ее в свои проблемы и переживания. Но она видела, как ему тяжело. Он плохо спал, мало ел, зато начал много пить, хотя раньше употреблял чисто символически...

И все же наступил тот день, когда Мансур и Лора поженились!

Это была скромная свадьба, на которой присутствовало всего пятеро гостей: родители невесты, две ее подруги и помощник жениха, выступивший свидетелем. Не о таком торжестве Лора мечтала, но радовалась и скромной церемонии. Она добилась своего — Мансур теперь ее.

Поскольку из дома он ушел, как говорится, с одним чемоданом, то жили они в той самой небольшой квартире, купленной Лоре. Но народная мудрость гласит, что с милым и в шалаше рай, а у них имелась вполне приличная двушка, пусть и малогабаритная. То, что Лора лишилась машины с шофером, тоже не особо расстраивало. Она отучилась на права и купила себе маленькую, юркую «корейнку». Дешевую, чтобы не жалко было бить. Рассчитывая, что впоследствии Мансур обязательно приобретет для нее авто представительского класса.

В раю влюбленные прожили до обидного мало. Пару месяцев. Потом начались проблемы. Сначала в бизнесе. Затем в семье. В той семье, которую Мансур оставил. Сын, уже взрослый парень, связался с дурной компанией, и его нужно было спасать, дочка не ладила с одноклассниками, а малыш никак не мог привыкнуть к суровому российскому климату и хворал не переставая. Лора подозревала, что не так все драматично и обстановку нагнетает бывшая жена. Хочет вернуть мужа, а если не выйдет, хотя бы завладеть его вниманием.

В общем, все шло не так, как Лора представляла себе. И забеременеть у нее не получилось.

Впервые Мансур поднял на нее руку спустя полтора года после свадьбы. Пришел домой поздно. Был зол и пьян. Лоре бы оставить его в покое, но она так редко

видела мужа в последнее время, что начала с ним говорить. Когда ей не ответили на пару вопросов — злиться.

— Зачем ты женился на мне? — вскричала она.

— Ты этого хотела, — пожал плечами Мансур и встал, чтобы налить себе виски.

— Я хотела не ЭТОГО! А нормальных отношений. Отношений, когда люди друг с другом разговаривают...

— Завтра поговорим. Сейчас я не в настроении.

— Как вчера и позавчера. Ты не тот человек, с которым я мечтала прожить до старости...

— А я предупреждал: штамп в паспорте все портит, — хохотнул он, но невесело.

— Я-то не изменилась. Не стала ни клушей, ни акулой. Это ты стал другим.

— Да! Потому что ты мне всю жизнь искалечила! — вскричал Мансур, опрокинув в себя содержимое стакана и шарахнув его об стену. — Я предал семью из-за тебя. И все полетело в тартарары. Аллах наказывает теперь не только меня, но и моих детей.

— Мансур, ты взрослый человек и сам принял решение. Не вини меня.

— Ты ведьма! — Он ткнул ее пальцем в грудь. — Ты приворожила меня... Иначе как все объяснить?

Она отшвырнула его руку и развернулась, чтобы уйти, но ей не позволили.

— Ты хотела говорить, а теперь поворачиваешься ко мне задницей, — прорычал Мансур, схватив Лору за руку. — Нет, милая, так не пойдет. Ты затеяла этот диалог, изволь участвовать в нем.

— Да пошел ты...

Она не закончила фразу матом. Даже слово «задница» не употребила. Но Мансура взбесило и вполне невинное «да пошел ты...». Обозвав жену по-арабски, он ударил ее по лицу. Не кулаком — ладонью, но со всей

силы. Рука у мужа была тяжелой, и Лора отлетела метра на два. Врезавшись в стену, она осела на пол.

Из разбитой губы потекла кровь. Из глаз слезы. Получив по лицу, Лора не столько испугалась, сколько удивилась. Мансур до этого не распускал рук. По стене мог кулаком шарахнуть или по столу. Телефон швырнуть или стакан. Пару раз при ней он дрался, отстаивая честь своей дамы, иначе говоря, ее, Лорину. Но ее саму не трогал никогда...

За них двоих испугался Мансур.

— Прости, прости, прости, хабибти, — зашептал он, бросившись к жене. — Девочка моя, я не хотел... — Муж упал на колени, обхватил ее лицо своими большими ладонями и начал целовать. — Хочешь, я отрублю себе руку, которую поднял на тебя?

Он плакал. Его слезы капали ей на лицо. В эти мгновения Лора любила мужа так, как никогда.

— Просто пообещай больше так не делать, — проговорила она, уткнувшись лицом в его грудь.

— Клянусь!

И она поверила. Хотя бабушка говорила, что тот, кто ударил один раз, ударит еще. Но Лора и в то, что Мансур на ней женится, не верила. А это свершилось. Народная мудрость — не догма. И Лора хотела своим примером доказать это.

Увы, не получилось...

Мансур поднял на жену руку спустя каких-то пару месяцев. Ударил несильно. Поэтому Лора сделала вид, что этого не было. Тем более поутру супруг вел себя так, будто ничего вечером не произошло.

Но история стала повторяться. Теперь каждая серьезная ссора заканчивалась рукоприкладством. Мансур бил свою хабибти. Но наносил всего один удар. Рукой или ногой, как получится. Лора принимала его...

Отлетала, сгибалась, падала... Когда как... Зачастую даже без крови обходилось, а синяки что, они вскакивают и от резкого соприкосновения с мебелью. И радовалась тому, что Мансур может остановиться.

И вот пришел день, когда муж перестал себя сдерживать. Он позволил своему внутреннему зверю завладеть собой. И это было страшно! Мансур с горящими ненавистью глазами лупил жену по лицу. Не кулаком, ладонью, но наотмашь. Он разбил ей губы, нос, но вид крови только распалял его. Лора каким-то чудом смогла вырваться, порвав пижамную куртку, за которую Мансур держал ее.

Она выскочила в подъезд, муж за ней. Но Лора была в тапках, а он босой. И пока Мансур возвращался в квартиру для того, чтобы обуться, она успела выбежать на улицу.

В центр поддержки жертв домашнего насилия она попала случайно. Лора знала, что где-то неподалеку от ее дома есть отделение полиции. Не видя иного выхода, решила направиться туда. Но когда выбилась из сил, плюхнулась на лавку возле некрасивого здания с красивой вывеской. Прочитав надпись на вывеске, Лора поразилась. Ноги сами привели ее туда, куда ей давно нужно было обратиться. И как после этого не верить в судьбу?

Но стояла ночь. И Лора не надеялась попасть внутрь. Она подергала за ручку, дверь была заперта. Хотела уже уйти. Потому что до утра сидеть под дверью в пижаме и тапках, когда на градуснике ноль, если не минус, она не могла. И тут Лора увидела звоночек. Ледяным пальцем, перемазанным в крови, надавила на него.

Через пару минут дверь ей открыла заспанная барышня. Это была Лидуся. Лоре же она виделась земным воплощением апостола Петра, который впускает пра-

ведных в рай. Увидев окровавленную женщину, Лидуся ахнула и втащила ее в фойе. Почувствовав себя наконец в безопасности, Лора осела на пол и потеряла сознание.

Глава 2

Софья наблюдала за Лорой вот уже три дня. Только за ней. Остальные женщины перестали для нее существовать, поскольку вели себя предсказуемо. А ей нужна была эксклюзивная жертва...

В «Силу духа» Софья Лапицкая, начинающая актриса, попала обманом. Выдала себя за другого человека — Ирину Потехину. Именно так звали героиню, которую Соне предстояло сыграть в новом фильме одного очень известного режиссера. Мэтра. Роль драматическая, сильная. За такую номинируют на серьезную премию. Это тебе не в проходных сериалах сниматься, чем, собственно, Соня занималась последние два года. Играла второстепенных персонажей в поточном «мысле». И вот ей выпал шанс. Можно сказать, один на миллион! Сняться в полном метре уже хорошо. У имени того режиссера — праздник. А уж в главной роли... Это просто чудо! Причем Соне даже ни с кем спать не пришлось, чтобы заполучить роль. Хотя она бы не побрезговала и этим. Но большое кино, как оказалось, — это не их «мыльная» клоака. Туда не через постель попадают, а по знакомству (если ты не звезда) или по большой удаче. И Соне повезло. Она прошла кастинг и понравилась режиссеру. Он сказал, что у Сони тело воительницы, а глаза жертвы. По его видению, именно такой должна быть главная героиня его нового фильма. Сильная на первый взгляд и слабая по сути. Жертва. В конце фильма она погибнет от руки горячо любимого, но по-

стоянно избивающего ее мужа. Даст себя убить. И, уходя в мир иной, улыбкой поблагодарит своего палача. На этом, по замыслу режиссера, фильм и закончится. Лицо героини крупным планом. А затем титры...

За финальную сцену прежде всего актриса и получит награду. Если сыграет, как говорят у них, артистов, на разрыв. Вот только не была уверена Софья Лапицкая, что сможет. Она не понимала свою героиню. Она бы ни за что не дала над собой издеваться. Ее характеризовали не мягкие голубые глаза с опущенными уголками, которые она унаследовала от матушки, а литое, прокачанное тело, над которым она трудилась из года в год. От природы Соня была пухленькой. Опять же в родительницу. Но ростом пошла в папу. Вымахала почти до ста восьмидесяти сантиметров. А батю до двух метров не хватало пары сантиметров. Он в юности играл в баскетбол. В молодости метал молот. Чуть на Олимпиаду не попал, травма помешала. И крохотная мама крутила этим великаном как хотела. Отец даже голос на нее не повышал, не говоря уже о том, чтобы ударить. В их семье царил гармония, и Соня не могла понять, как это, жить с человеком, который тебя бьет.

Поэтому она и заявила в реабилитационный центр для жертв домашнего насилия, чтобы узнать психологию таких женщин. Она воспользовалась именем своей героини и ее историей. Сыграла Ирину Потехину. И весьма удачно. Ей поверили. Но Соня вела себя шаблонно. Как все: плакала, жаловалась, искала поддержки у других обитательниц «Силы духа» и смотрела в рот психиатру. А Ира виделась ей особенной. Она должна была себя вести не как все, но как, Соня не предполагала, пока не увидела Лору.

Эта женщина не была похожа на остальных. Держалась особняком. Не надменно, нет, отстраненно. Соня

попыталась сблизиться с ней, но куда там. Когда с Лорой заговаривали, она отвечала односложно и, извинившись, уходила. Обычно в небольшой садик, разбитый во внутреннем дворе. Там не было лавок, только кустарник, деревца-недоростки и фонтанчик с пузатым Амуром, поэтому место не пользовалось популярностью у обитательниц центра. Все они много курили и говорили. Поэтому собирались в комнате отдыха, где были диваны и пепельницы.

— Ира, Ир, — слышала Соня шепот своей соседки, Марины Афанасьевны. Она так и представилась всем по имени-отчеству. Хотя была не самой взрослой. Просто пятнадцать лет в школе проработала.

— Что?

— Это, конечно, не мое дело, но... Ты вела бы себя поскромнее, а то просто неприлично так пялиться.

Соня с недоумением воззрилась на Марину Афанасьевну. Женщине не было еще и сорока, но выглядела она весьма солидно. Всему виной имидж: высокий пучок, бабушкины серьги, юбки годе. Классическая советских времен учительница пенсионного возраста. Лора даже предположить не могла, что сейчас такие экземпляры существуют.

— Не понимаю, о чем вы, — пробормотала Софья.

— Ты глаз с Лоры не сводишь. Пожираешь ее взглядом, можно сказать. Я человек толерантный и спокойно отношусь к однополым отношениям, но даже меня корбит твое вождение.

— Ну и фантазии у вас, Марина Афанасьевна! Я просто нахожу Лору очень интересной внешне. И она привлекает меня не как сексуальный объект, а как... э... модель, — довольно быстро нашлась Соня. — Я фотограф. И хочу снять Лору... Не в том смысле, в каком вы подумали. А в буквальном. На камеру снять хочу...

Марина Афанасьевна не поверила Соне. Но отстала, бросив скептическое: «Ну-ну!»

К счастью, групповая терапия уже закончилась, и Соня смогла уйти, не привлекая к себе внимания. Она была возмущена. Ее не в первый раз принимали за лесбиянку, но то были люди ее артистического круга, в котором царил культ бисексуальности. А тут какая-то старомодная училка...

Да что она себе позволяет?

Соне абсолютно не нравились женщины. Ее не тянуло к ним. Хотя один раз она занималась сексом с особой своего пола. Пришлось дать себя соблазнить даме-продюсеру, чтобы получить роль. Ей не понравилось. А ее партнерше и подавно. Потому что Соня лежала как бревно и не то что удовольствие получить — возбудиться не могла. В итоге роль она получила не ту, на которую претендовала, а эпизодическую, да еще за спиной шушуканье и хихиканье слушала около месяца.

Зайдя в спальню, которую она делила с четырьмя женщинами, Соня плюхнулась на свою кровать. Пробыть в центре она может еще пару дней. Тем, кто обратился за помощью, верят на слово. И держат у себя неделю. Дают кров, кормят завтраками. Но если ты хочешь остаться на длительный срок, изволь предъявить документы, зарегистрироваться и внести вклад в общее дело. Если работаешь — деньгами. Нет — трудом. Уборка, готовка, стирка — все это обитательницы центра делали сами.

Основала центр «Сила духа» известная в России личность. Мира Салихова. Если верить официальной биографии, имя ей досталось от родителей-диссидентов, заморивших себя голодом в знак протеста в разгар перестройки, а фамилия — от мужа, миллиардера, открывшего в те же годы несколько коммерческих бирж

и банков. Муж Миры погиб в конце девяностых. Не был застрелен конкурентами, как могла бы предположить та же Софья, а скончался в результате несчастного случая. Мира унаследовала все активы супруга и на время исчезла. И когда о ней все забыли (супруги Салиховы несколько лет были самыми обсуждаемыми персонами в СНГ), вдова триумфально вернулась. Обанкротив несколько крупных предприятий, выставила свою кандидатуру на президентских выборах, затем сняла ее и вышла замуж за двадцатидвухлетнего актера. Спустя три года с ним развелась, скупила акции самого популярного в России мужского журнала, стала его главным редактором и снялась обнаженной для обложки. Еще через пять лет основала Дом моды имени себя и увела у голливудской звезды мужа. Наигравшись и с делом, и с телом, основала партию «Сила духа» (хотела «Миру — Мир!»), но политтехнологи запретили). Тогда и открылся этот центр, наряду с другими — поддерживающими наркоманов, трудных подростков, людей с ограниченными возможностями и склонных к суициду. По сей день остался только этот, остальные закрылись, едва прошли выборы. Партия «Сила духа» набрала ничтожно мало голосов, и основательница посчитала, что нет больше смысла выкидывать столько денег на благотворительность. Центр поддержки жертв домашнего насилия остался действующим благодаря его директору Лолите. Она, будучи подругой Миры, смогла его отстоять.

В фойе центра висел портрет госпожи Салиховой. Выглядела она, на взгляд Сони, гротескно. Напоминала героиню голливудской комедии положений. Во многих из таких комедий есть второстепенный персонаж типажа Миры: бывшая королева выпускного бала, которую жизнь здорово потрепала, но не лишила главного — веры в себя. Она постарела, немного расплылась,

перестала гнаться за модой, потому что для нее самое стильное и красивое то, в чем она когда-то блистала. Поэтому она втискивает свое уже далеко не безупречное тело в джинсовые шортики и майку с Микки-Маусом. Начесывает волосы и носит массивные пластмассовые серьги. Слушает раннюю Мадонну и Долли Партон. Курит ментоловые сигареты и мечтает о прекрасном принце, который запаздывает как минимум на двадцать лет...

Мира не носила короткие шорты и сережки из пластмассы. Ее любимым модельером был Роберто Кавалли, а ювелирным домом — «Тиффани». Она вся сверкала, как рождественская елка. Стразами на одежде, золотом, бриллиантами, фарфоровыми зубами и гелем на волосах. В девяностые она выглядела бы шикарно в этом образе. Но времена изменились... А Мира, увы, нет.

Соня сунула руку под кровать и достала рюкзак. С ним она обычно путешествовала. Не любила чемоданы, они громоздки. С рюкзаком удобнее: закинул за спину и пошел. Можно вместо подушки опять же использовать, если, к примеру, рейс задержали. Этот рюкзак Соня купила в Индии. Он понравился ей своей вместительностью, ярко-рыжим цветом и наличием множества карманов. В одном из карманов сейчас лежал телефон. Соня достала его и включила. Когда аппарат загрузился, на экране появились значки сообщений и неотвеченных вызовов. Основная масса последних была от агента. Поскольку по пустякам он свою подопечную не беспокоил, Соня сделала вывод, что связаться с ним нужно как можно скорее. Но в комнатах камеры, значит, нужно выйти за пределы здания.

Полежав пару минут, Соня лениво сползла с кровати и пошлапала на выход.

Камеры в спальнях, столовой, комнате отдыха и фойе были установлены после того, как одна из оби-

тательниц центра покончила с собой. Она не повесилась или отравилась снотворным. А перерезала себе горло опасной бритвой. Чикнула по шее, когда все спали, и утром соседки по комнате обнаружили ее окоченевший труп. Было проведено расследование. Смерть была признана не насильственной. Но нервы полицейские потрепали всем обитателям центра, а также персоналу и даже владелице. Поэтому, во избежание подобно-го, в помещениях установили камеры. Если не предотвратить суицид, так хотя бы быстро отмыться, когда он свершится. Соня считала, что круглосуточное наблюдение — это форменное нарушение ее гражданских прав, но вынуждена была смириться с порядками. Если кому-то что-то не нравилось, того в «Силе духа» не держали. А она твердо решила провести в центре неделю.

Выйдя во внутренний дворик, Соня поежилась. Нужно было одеться потеплее, а не вываливаться на улицу в толстовке. Но день был солнечным, и она решила, что погода стоит чудесная, а оказалось — холод собачий. Натянув на голову капюшон, Соня набрала своего агента.

— Привет, Артур, — поздоровалась она с ним. — Звонил?

В ответ послышался отборный мат. Артур, когда злился, разговаривал исключительно нецензурно, вставляя литературные слова только для связки. И сейчас он был вне себя. Когда агент проорался, Соня примирительно проговорила:

— Не ругайся. Я отключила телефон на ночь, а утром забыла врубить. Со всеми случается...

— Со мной нет, — рявкнул Артур. — Потому что я ответственный человек, настоящий профессионал и...

— Просто душка, — польстила агенту Соня. — Так зачем ты звонил мне?

— Теперь уже неважно. Тебя на съемки ток-шоу хотели сегодня пригласить, но ты, милая моя, прокакала возможность мелькнуть фейсом на Первом.

— Переживу. Для меня сейчас нет ничего важнее новой роли.

— Ты все еще в приюте для бесхребетных баб?

— Перестань называть так наш центр.

— Уже «ваш», вон как...

— И женщины, которые оказались тут, вовсе не...

— Да понял, понял. Только ты сама еще пять дней назад называла их слабчками. И не понимала, как можно дать мужику над собой систематически издеваться.

— Я и сейчас не до конца понимаю. Но знаю точно: они позволяли это не потому, что бесхребетные, затюканные, никчемные. Среди нас, конечно, и слабчки есть, но их меньшинство.

— А остальным просто нравится боль? Они мазохистки? — фыркнул Артур. — Хотя мне неважно. Это твоя задача — разобраться в психологии жертв домашнего насилия. Но ты уж давай побыстрее с этим покончи. Пока журналы и интернет-порталы пишут о новом фильме Мэтра, ты, как исполнительница главной роли, должна мелькать, мелькать, мелькать... Понимаешь?

— Понимаю.

— И я пытаюсь договориться с Мэтром об ужине с тобой. Пока он ответа не дал, но я добьюсь своего.

— Не сомневаюсь в тебе, Артурито. И через двое, максимум трое суток я буду вся твоя.

— Лады.

Они сердечно распрощались, и Соня отключилась.

С Артуром Гаевым они познакомились в институте кинематографии. Соня там училась, он тусовался. Когда-то парень сам был студентом этого вуза, но вылетел с третьего курса и отправился в армию. Отслужив,

к учебе не вернулся. Папа, артист еще старой школы, не самая яркая звезда советского кино, пристроил своего незаконнорожденного сына, который появился на свет, когда родителю уже исполнилось пятьдесят пять, на «Мосфильм». Но Артур регулярно навещался в альма-матер, чтобы позажигать. Ему нравились атмосфера и девочки, что учились в вузе. Жуткий бабник, он переспал чуть ли не с каждой третьей студенткой. Любил высоких, статных барышень, но не брезговал и «инженю». Сам Артур был зеленоглазым красавцем с черными негритянскими кудрями. Но ростом не вышел. Той же Соне он едва доставал до подбородка. Но это не помешало молодым людям закрутить роман. Роман был почти серьезным. То есть Артур не потерял интерес к Соне после первого секса, а продолжал встречаться с ней на протяжении трех месяцев. Рекордный срок для него. Расстались друзьями. По обоюдному согласию. Артуру надоело скрывать от подруги свои интрижки, а ей делать вид, что ни о чем не знает.

Соня стала первой клиенткой Гаева, когда он открыл свое небольшое агентство. С тех пор прошло пять лет, и они до сих пор сотрудничали и дружили.

— Значит, вы актриса, — услышала Софья и вздрогнула.

Резко обернувшись, она увидела Лору. Женщина стояла у молодой туи и теребила одну из ее веточек. Одета она была в старую куртку и кошмарного вида спортивный костюм. Лора, как говорят, заявила в центр в пижаме и тапках и носила все дни то, что ей дал завхоз, она же одна из обитательниц, то есть вещи, оставленные предыдущими «сестрами» (они так себя называли — сестрами по несчастью). В отличие от других женщин Лора не изъявляла желания вернуться домой хотя бы за документами, деньгами, телефоном или

предметами первой необходимости. И не потому, что боялась. Каждую из сестер по просьбе сопровождали до дома. Иной раз с охраной. А Лора вообще не покидала территорию центра. И здесь ей оставалось провести всего сутки. Ее срок истекал уже завтра.

— Почему-то я так и думала, что вы не одна из нас, — продолжила Лора. — Предполагала, что журналистка, которая хочет написать правдивую статью о бедолагах, битых мужьями...

— Я буду играть одну из вас, — выдавила из себя Соня. Она пока не знала, хорошо или плохо то, что ее раскрыла именно Лора.

— Ага, ясно... — Лора оторвала веточки и поднесла к лицу, чтобы понюхать. — Система Станиславско-го. Погружение в роль. Отождествление себя с героем.

— Надеюсь, вы никому не расскажете о том, что узнали обо мне?

— Не беспокойтесь, — хмыкнула Лора и отбросила веточку со словами: — Ничем не пахнет, как пластмассовая.

Она собиралась уйти из внутреннего двора, но Соня остановила ее.

— Не убегайте, пожалуйста, — попросила она. — Поговорите со мной немного.

— О чем?

— Все равно.

— То есть исповеди моей вы услышать не хотите?

— Конечно, хочу, — не стала спорить Соня. — Но вы не раскроетесь передо мной. Если вас даже Назаров не смог вывести на откровенность, то у меня вообще никаких шансов. Поэтому я просто предлагаю поболтать о чем-то нейтральном.

— Например?

— О туях. Это семейство кипарисовых. Их завезли к нам из Америки и Восточной Азии.

— Вы только что залезли в Википедию с телефона?

— Нет, просто читала когда-то об этих растениях и запомнила. У меня память фотографическая.

— Везет вам, роль долго учить не надо.

И все же ушла. Соня, помешкав секунд десять, бросилась следом.

Когда она оказалась в коридоре, то чуть не оглохла. Где-то кричали. Причем это делали как минимум человек пять-семь. Среди женских голосов звучал и мужской, но он был Соне незнаком.

Звуки доносились из фойе, туда она и направилась.

Лора, как оказалось, последовала в том же направлении. Ей было не чуждо любопытство.

Столкнувшись с ней в дверях, Соня шепотом спросила:

— Что там происходит?

— Семейная драма.

Но Соня уже и сама видела это. У входа в руках охранника бился мужчина. Он был высок, широкоплеч, но худощав. Одежда на нем не по размеру, висит и при этом коротка. Редкие соломенные волосы всклокочены. Довольно симпатичное, но чересчур вытянутое, узкое, безбородое лицо покраснело. Что неудивительно, ведь мужчина прилагал невероятные физические усилия, пытаясь освободиться от профессионального захвата секьюрити по имени Славик. Напротив, примерно метрах в двух от него, в том же положении находилась Тамара. Только ее сдерживали два человека: Зоя и Лидуся Кокорина. Но поскольку последняя была очень худой и мала ростом, Тома вырывалась из ее лапок и бросала свое тело вперед. Однако настойчивости Кокориной

было не занимать, и она неизменно хватала «сестру» за локоть и висла на нем, как обезьянка на ветке.

— Отвали от меня, урод, — рычал безбородый. — И вы, курвы... Руки прочь от жены моей!

— Не трогай Пашу! — верещала Тома, обращаясь к Славику. На товарок она, казалось, не обращала внимания. Цепляется что-то к ее рукам, мешают, все равно что вьюн какой или водоросль. — Отпусти его, слышишь?

Соня поняла, что в центр явился муж Тамары, чтобы вернуть ее домой. Его, естественно, пускать в помещение не хотели. А Томе мешали воссоединиться с Пашей «сестры». Они знали, что он будет продолжать колошматить жену, чего бы ни обещал. Все они проходили через это, и не раз.

Но Тома смогла вырваться. Стряхнув с себя Зою и Лиду, она кинулась к супругу. Коротко чмокнув его во вспотевший лоб, повисла на плече Славика. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не доктор Назаров. Привлеченный шумом, он выбежал в фойе, на ходу застегивая белый халат — очевидно, собирался домой, когда ор услышал.

— Всем замолчать! — громыхнул он. Впервые Соня услышала от психиатра реплику, произнесенную на повышенных тонах. — Тамара, отпустите Вячеслава.

— Но он моему Пашеньке руки выламывает, а Пашенька, между прочим, художник и ими творит.

— А я слышала, что он маляр, — фыркнула одна из «сестер». — Причем два месяца назад уволенный со стройки...

Никто этой реплики не услышал, кроме Сони и, пожалуй, Лоры.

— Вячеслав, отпустите Павла, — продолжил Назаров. — Вы делаете ему больно.

— Сам виноват, — угрюмо проговорил охранник, но руки разжал, — я по-хорошему просил...

— А теперь спокойно объясните мне, что тут происходит.

Снова поднялся галдеж, и на сей раз Назаров не смог утихомирить народ своим рыком. А все потому, что почти все «сестры» решили высказаться. Их возмущало то, что одна из них дала слабину и желает в очередной раз простить своего мужа-дебошира.

— Тома, вы на самом деле решили вернуться к супругу? — обратился к ней Назаров.

Голоса тут же стихли. Все выжидательно уставились на Тамару. Она ответила не сразу. Секунд десять кусала губы, да сильно так, что на верхней крови выступила, а потом выпалила:

— Да.

— Тебе жить надоело, дура? — вскричала Зоя. — У тебя уже два сотрясения было. — И к Назарову: — Он об батареею ее головой бьет, понимаете, Сергей Игоревич?

— Неправда, — угрюмо возразила Тома.

— Да ты башку покажи свою. Она ж в шрамах!

— Шрамы остались после аварии. Я с мотоцикла в юности упала.

— Не оправдывайся перед ними! — встрял Павел. — Они тебе никто. Чужаки. Я — твоя семья. — Он протянул руку. Пальцы тонкие, длинные. Запястье узкое. Соне сложно было представить себе, как эти руки наносят удары, как хватают женщину за волосы и волокут ее к батарее, чтобы впечатать ее голову в чугунину. — Ты идешь со мной, Тома?

Она вложила свою руку в его и кивнула.

— Томочка, опомнись! — застонала Зоя. И к ней присоединились другие «сестры».